

А.Б. Галкин

Чичиков

ЧИЧИКОВ — герой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». В соответствии со своим ведущим художественным принципом — разворачивать образ из имени — Гоголь дает Чичикову фамилию, образованную путем простого повтора невнятного звукосочетания (чичи), не несущего никакой отчетливой смысловой нагрузки. Фамилия, таким образом, отвечает общей доминанте образа Чичикова, суть которой в фиктивности (А. Белый), мнимости, конформизме: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок, нельзя сказать, чтоб стар, однако же и не так чтобы слишком молод». В портрете Чичикова равным образом отбрасывается как положительное, так и отрицательное начало, все сколько-нибудь существенные внешние и внутренние черты личности отвергаются, сводятся к нулю, нивелируются. Имя и отчество Чичиков — Павел Иванович, — округлое и благозвучное, однако не эксцентричное, также подчеркивает желание Чичикова слиться со средой, быть в меру заметным («фрак брусничного цвета с искрой»), вместе с тем похожим на других («никогда не позволяет себе неблагопристойного слова», «в приемах... что-то солидное»), держась принципа «золотой середины». В облике Чичикова комически переплетены черты церемонной деликатности и грубого физиологизма: «умел польстить каждому», «вошел боком», «садился наискось», «отвечал наклонением головы», «клат в нос гвоздичку», «подносил табакерку, на дне которой фиалки»; с другой стороны — «долго тер мылом <...> щеки, подперши их <...> языком», «высморкался чрезвычайно громко», «нос <...> звучал как труба», «выщипнул из носа две волосинки». В Чичикове Гоголь метонимически выделяет нос (ср. с майором Ковалевым, у которого пропал нос): «высунул вперед нос». Нос у Чичикова «громкоподобен» (А. Белый), сравнивается с «пройдохой-трубой», кричающей в оркестре излишне громко, тем самым Гоголь вносит иронический диссонанс в гармоническую округлость лица Чичикова («полное лицо», «вроде мордашки и каплуника», «белоснежная щека»), подчеркивая неумную энергию приобретателя («нос по ветру»), которому судьба щедро раздает щелчки по носу, не в меру длинному.

Образ Чичикова многофункционален. Чичиков является центром так называемой «миражной интриги» (Ю. Манн). Подобно странствующему рыцарю средневекового романа или бродяге плутовского романа, Чичиков находится в непрерывном движении, в дороге, он сравним с гомеровским Одиссеем. Правда, в отличие от рыцаря, посвящающего героические деяния Прекрасной Даме, Чичиков — «рыцарь копейки», ради последней в сущности Чичиков и совершает свои «подвиги». Биография Чичикова (гл. 11) есть ряд предварительных деяний к главному подвигу жизни — скупке мертвых душ. Чичиков стремится нарастить копейку из ничего, так сказать, «из воздуха». Еще будучи школьником, Чичиков пустил в оборот полтину, оставленную ему отцом: «слепил из воску снегиря», выкрасил и выгодно продал; перепродавал голодным одноклассникам булку или пряник, загодя купленные на рынке; два месяца дрессировал мышь и тоже выгодно продал. Полтину Чичиков превратил в пять рублей и зашил в мешочек (ср. Коробочка). На службе Чичиков входит в комиссию для построения «казенного весьма капитального строения», которое не строится в течение шести лет выше фундамента. Между тем Чичиков строит дом, заводит повара, пару лошадей, покупает голландские рубашки, мыла «для сообщения гладкости коже». Уличенный в мошенничестве, Чичиков терпит фиаско, лишается денег и благополучия, однако словно возрождается из пепла, становится таможенным чиновником, получает взятку на полмиллиона от контрабандистов. Тайный донос напарника едва не доводит Чичикова до уголовного суда; лишь с помощью взяток Чичикову удается уйти от наказания. Начав скупать у помещиков крепостных крестьян, значащихся в «ревизских сказках» в качестве живых, Чичиков намеревается

заложить их в Опекунский совет и сорвать куш на «фуфу», по его выражению. «Миражная интрига» начинает развиваться вследствие неслыханности, рискованности и двусмысленности сделки, предлагаемой Чичиков помещикам. Скандал, разразившийся вокруг мертвых душ, начатый на балу у губернатора Ноздревым и подкрепленный перепуганной Коробочкой, перерастает в грандиозную мистерию фантастической русской действительности николаевского времени и, шире, отвечает духу русского национального характера, а также сущности исторического процесса, как понимает их Гоголь, связывая то и другое с непостижимым и грозным Провидением. (Ср. слова Гоголя: «сплетня плетется чертом, а не человеком. Человек от праздности или сглупа брякнет слово без смысла <...> слово пойдет гулять <...> и мало-помалу сплетется сама собой история, без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать <...> все на свете обман, все кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле. Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать Тот, Кого ничем не подкупишь».) Далее Чичиков в пересказе «дамы просто приятной» предстает разбойником Ринальдо Ринальдини, «вооруженным с ног до головы» и вымогающим у Коробочки мертвые души, так что «вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричит, никто никого не понимает». «Дама приятная во всех отношениях» решает, будто Чичиков скупает мертвые души для того, чтобы похитить губернаторскую дочку, а Ноздрев — напарник Чичикова, после чего «обе дамы отправились каждая в свою сторону бунтовать город». Сложились две враждебные партии: мужская и женская. Женская утверждала, будто Чичиков «решился на похищение», так как был женат и его жена написала письмо губернатору. Мужская приняла Чичикова одновременно за ревизора, за переодетого Наполеона, сбежавшего с острова Св. Елены, за безногого капитана Копейкина, ставшего атаманом шайки разбойников. Инспектор врачебной управы вообразил, что мертвые души — это умершие от горячки больные вследствие его халатности; председатель гражданской палаты перепугался, что стал поверенным Плюшкина в оформлении крепости на «мертвые души»; чиновники вспомнили, как недавно сольвычегодские купцы, загуляв, «уходили насмерть» устьсысольских купцов, дали взятку суду, после чего суд вынес вердикт, будто устьсысольские «умерли от угара»; кроме того, казенные крестьяне убили заседателя земской полиции Дробяжкина за то, что тот «был-де блудлив, как кошка». Губернатор разом получил две казенные бумаги о розыске фальшивомонетчика и разбойника, тем и другим мог оказаться Чичиков. В результате всех этих толков умер прокурор.

Во 2-м томе Чичиков соотносится с антихристом, Русь расшатывается еще сильнее, пущенное слово вызывает волнения раскольников («народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, ужокошили неантихристов»), а также бунты мужиков против помещиков и капитанов-исправников, ибо «какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны быть помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядиться в армяки и будут мужики».

Другая функция образа Чичикова — эстетическая. Образ Чичикова составляют метафоры, окрашенные в разной степени то в эпические, то в иронические, то в пародийные тона: «барка среди свирепых волн» жизни, «незначущий червь мира сего», «волдырь на воде». Вопреки солидности, степенности, телесной осязаемости Чичикова («был тяжеленек», «животик <...> барабан»), вопреки заботе о будущих потомках и желанию стать образцовым помещиком, сущность Чичикова — мимикрия, протейность, способность принимать форму любого сосуда. Чичиков меняет лица в зависимости от обстановки и собеседника, часто становясь подобием того помещика, с кем торгуется: с Маниловым Чичиков сладкогласен и предупредителен, его речь, точно сахарный сироп; с Коробочкой держится проще и даже сулит ей черта, приходя в ярость от ее «дубинноголовости», с Собакевичем Чичиков прижимист и скуп, такой же «кулак», как сам Собакевич, оба они видят друг в друге мошенников; с Ноздревым Чичиков держится

запанибратски, на «ты», изъясняясь о причинах покупки слогом самого Ноздрева: «Ох, какой любопытный: ему всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!» Наконец, в профиль Чичиков «очень сдает на портрет Наполеона», ибо тот «тоже нельзя сказать чтобы слишком толст, однако ж и не так чтобы тонок». С этой особенностью образа Чичикова неразрывно связан гоголевский мотив «зеркала». Чичиков, словно зеркало, вбирает в себя прочих героев «Мертвых душ», содержит в зародыше все существенные душевные свойства этих персонажей. Так же, как Коробочка, собиравшая в пестрядевые мешочки отдельно целковики, полтиннички, четвертачки, Чичиков зашивает в мешочек пять рублей. Подобно Манилову, Чичиков — прекраснотушный мечтатель, когда, увидев в дороге хорошенькое, «как свеженькое яичко», личико губернаторской дочери, начинает мечтать о женитьбе и двухстах тысячах приданого, а на балу у губернатора почти влюбляется: «видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов». Точно Плюшкин, Чичиков собирает всякую дрянь в шкатулочку: афишу, сорванную со столба, использованный билет и пр. Шкатулка Чичиков — женская ипостась образа. А. Белый называет ее «женой» Чичикова (ср. шинель Башмачкина — его жена, оказавшаяся «любовницей на одну ночь»), где сердцем является «маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки». В ней заключена тайна души Чичикова, так сказать, «двойное дно». Шкатулка соотносится с образом Коробочки (А. Битов), которая приоткрывает завесу над тайной Чичикова. Другая ипостась образа Чичикова — его бричка. Согласно А. Белому, кони — это способности Чичикова, особенно чубарый — «лукавый» конь, символизирующей мошенничество Чичикова, «отчего ход тройки — боковой ход». Коренной гнедой и пристяжной каурой масти — конитруженики, что внушает Гоголю надежду на воскресение Чичикова «из мертвых», отвечает его идеалу направить мчащуюся Русь-тройку по магистральному христианскому пути, по которому вслед за Русью должны пройти европейские страны, уклонившиеся от пути.

Этическая функция образа Чичикова. По мнению Гоголя, Чичиков — неправедный приобретатель («Приобретение — вина всего», 11-я гл.). Сама афера Чичикова вытекает из «дела Петра», именно он ввел ревизию крепостных крестьян, положив начало бюрократизации России. Чичиков — западник (Д. Мережковский), и Гоголь развенчивает европейский культ денег. Последний обуславливает этический релятивизм Чичикова: будучи школьником, он «угождает» учителю, ставящему «заносчивых и непокорных» учеников на колени и морящему их голодом; Чичиков, напротив, сидит на лавке не шелохнувшись, со звонком подает учителю трех и трижды снимает шапку; когда же учителя выгоняют из училища, «заносчивые и непокорные» собирают ему в помощь деньги, Чичиков же дает «пятак серебра, который тут же товарищи его бросили, сказавши: «Эх ты, жила!»» Учитель, узнав о предательстве любимого ученика — Чичикова, проговорил: «Надул, сильно надул...» Второе предательство Чичиков совершает, когда начинает карьеру приобретателя: обещает дочери своего начальника, повытчика, жениться, пускай та старая дева с рябым лицом, но, едва повытчик выбивает Чичикову место тоже повытчика в другой канцелярии, Чичиков отправляет свой сундук домой и съезжает с квартиры повытчика. «Надул, надул, чертов сын!» — злился повытчик. Подобные поступки Чичикова позволяют Д. Мережковскому и В. Набокову сблизить Чичикова с чертом. «Чичиков — всего лишь низко оплачиваемый агент дьявола, адский коммивояжер: «наш господин Чичиков», как могли бы назвать в акционерном обществе «Сатана и К^о» этого добродушного, упитанного, но внутренне дрожащего представителя. Пошлость, какую олицетворяет Чичиков, — одно из главных отличительных свойств дьявола...» (Набоков). Сущность Хлестакова и Чичикова — «вечная середина, ни то ни сё — совершенная пошлость <...> два современные русские лица, две ипостаси вечного и всемирного зла — черта» (Мережковский). Насколько призрачна власть денег, свидетельствуют периодические падения и финансовые крахи Чичикова, постоянный риск попасть за решетку, скитания по городам и весям, скандальная огласка тайны Чичикова. Гоголь подчеркивает пародийный контраст между богатирской предпринимательской

энергией Чичикова, стремящегося построить капитал на трупах («Народу, слава Богу, вымерло немало...»), и ничтожным результатом: непременным фиаско Чичикова. (Ср. слова Муразова: «если бы с этакой волей и настойчивостью, да на доброе дело!»)

Сотериологическая функция (спасения) заключается в том, что Чичиков, как и другие герои, должен был, по замыслу Гоголя, воскреснуть в третьем томе поэмы, которая бы строилась аналогично «Божественной комедии» Данте Алигьери («Ад», «Чистилище», «Рай», где часть соответствует тому). Сам Чичиков, кроме того, выступал бы в роли спасителя. Отсюда его имя корреспондирует с именем апостола Павла, «приобретающего» иудеев и язычников, чтобы привести их к Христу (ср.: «будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести» (1 Кор., 9:19). Отмечено А. Гольденбергом). Как и апостол Павел, Чичиков должен был в момент внезапного кризиса из грешника превратиться в праведника и учителя веры. Пока же бричка Чичикова все глубже увязает в грязи, падает, «будто в яму» (Е. Смирнова), погружается в ад, где «поместья — круги Дантова ада; владелец каждого более мертв, чем предыдущий» (А. Белый). Наоборот, приобретенные Чичиковым «души» предстают живыми, воплощают талантливость и созидательный дух русского народа, противопоставляются Чичикову, Плюшкину, Собакевичу (Г. Гуковский), образуя две противоположные России. Таким образом, Чичиков, подобно Христу, сошедшему в ад, освобождает мертвые души и выводит из забвения. «Омертвелая», хоть и живая телесно, неправедная Россия помещиков и чиновников, согласно утопии Гоголя, должна воссоединиться с праведной крестьянской Россией, где посредником выступит Чичиков.

Биографическая функция образа Чичикова. Гоголь наделяет его своими пристрастиями, например любовью к сапогам: «В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядком сапоги; одни не совсем новые, другие совсем новые, лакированные полусапожки и спальные» (2-й т., 1-я гл.). (См. мемуары А. Арнольди.) Чичиков, так же как и Гоголь, — вечный холостяк, перекаати-поле, живущий в гостиницах, у чужих людей, мечтающий стать домохозяином и помещиком. Равно как и Гоголю, Чичикову свойствен универсализм интересов, правда в сниженном, пародийном виде: «шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания <...> и в бильярдной игре не давал промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах...». Наконец, авторские лирические отступления Гоголь часто переадресует сознанию Чичикова, отождествляя свою идеологию с идеологией героя.

Самая знаменитая инсценировка поэмы принадлежит М. Булгакову: осуществлена МХАТом в 1932 (художественный руководитель К. Станиславский). В роли Чичикова — В. Топорков. На сюжет поэмы написана опера Р. Щедрина (1977).